

Внук кардинала Меццофанти*

Научно-фантастический рассказ

Р. Г. Назиров

I

Как всегда, у Чехардина собралась отличная компания: ребята тёплые, толковые, знающие. Сам хозяин, ростом под два метра, со шкиперской бородкой, обрамляющей расширяющееся к низу лицо, с вечной трубкой в зубах, держал руки в карманах и был похож скорее на американского журналиста, чем на русского филолога. У Чехардина есть хорошая манера: он шумит, горланит, создаёт впечатление лидера, но, в сущности, не столько говорит сам, сколько организует, питает, поддерживает разговор. Таким образом в этой маленькой столовой, она же гостиная, родилось уже немало идей, которые казались поначалу «безумными», однако затем находили одушевлённый приём на академических симпозиумах и на страницах толстых изданий специального типа.

— Вам не хватает здесь ещё одного портрета, — сказал Чехардину новый гость, невысокий, почти квадратный блондин, которого привела Люся Морозова.

Гость указал подбородком на простенок, украшенный портретами Шампольона и Кнорозова.

С высоты своего огромного роста Чехардин посмотрел на говорившего с прохладным и предупредительным оскалом, для чего вынул трубку изо рта.

— Какого же?

— Барона Кювье.

Чехардин вставил трубку обратно в рот и застыл в неопределённости. Как бшь его зовут? Краснотал? Белотел? Занятных чудаков водит к нему Людмила! Чехардин собирался сострить, но добродушное спокойствие в глазах квадратного блондина раздражило его любопытство, и он спросил:

— Почему же Кювье, а не Жоффруа Сент-Илера?

— Сент-Илер тут не при чём. Я имею в виду умение Кювье по одной кости восстанавливать полную картину ископаемого скелета.

— Вам не кажется, что это далековато от расшифровки угасших письменностей?

— Как сказать...

---

*АРГН, оп. 1., д. 34.

Название исправлено позднее другими чернилами. Первоначальное заглавие — «Чехардин и Чернобыл». По почерку и соседствующим в деле материалом датируется второй половиной 1970-х годов. Не ранее 7 марта 1975 (смерть М. М. Бахтина).

— Простите, я в суматохе запамятовал: ведь вы Краснотал?

Квадратненький засмеялся и без тени обиды ответил:

— Нет, я Чернобыл.

— Занимались штангой, видимо?

— Нет, никогда. Просто с шестнадцати лет работал грузчиком.

— Чернобыл, Чернобыл. . . Я раньше слышал где-то вашу фамилию.

— Вряд ли.

Подошла Морозова с мороженым в руке и вмешалась в разговор:

— Гриша, ты склеротик. Тебе на прошлой неделе босс полчаса долдонил о Чернобыле.

— Погодите, погодите, — Чернобыл приоткрыл рот. — Так это вас в Мо скве называют «внуком кардинала Меццофанти»? Говорят, у вас в < . . . > сорок пять языков?

— Какие глупости! — ответил Чернобыл и даже как будто покраснел. < . . . > я к бесу Меццофанти? Мы все, Чернобылы, со Среднего Дона.

Но Чехардин без церемоний взял его за плечо, потому что под руку не мог из-за разницы в росте, и усадил на диван.

— Так нам будет удобнее, — сказал он, садясь рядом и пытаясь так устроить свои ноги, чтобы он мешать танцующим. — Я помню, босс меня заинтриговал. Меня зовут Григорием, ну, просто Гришей, а вас?

— Сергей.

— Слушайте, Серёжа, оставляя в стороне врождённые способности, что у вас — специальная тренировка памяти, ускоренная система изучения языков? Вы когда начали заниматься этим? Росли в билингвистической среде?

Чернобыл честно вздохнул:

— Все эти штуки второстепенные. Ну, на память жаловаться грех. Ускоренные курсы — это примитив: хороши для нефтяников, срочно выезжающих в Алжир. И то им чуть ли не год дают. Занимаюсь профессионально только с семнадцати лет. Среда моя с детства — донцы, это ведь русский язык, ну, южнорусские говоры, да бабака украинка, как у Чехова. Какой же тут билингвизм? Ничего специфического в моём казусе нет.

— Слушайте, Серёжа, у меня отец русский, мать гречанка, с детства учился итальянскому, французскому, немецкому, английскому. Сами понимаете, славянскими языками владею. Ну, латынь. . . С десяток наберётся. Но вы-то, вы обскакали меня слишком много! Бросьте дурочку валять, ~~признавайтесь~~ раскошеляйтесь: метод?

Чернобыл молча улыбался.

— Серёжа, послушайте, здесь немало порядочных людей, они вам подтвердят, что я не воюю чужих идей и перебиваю приоритетных справок.

— Да что вы, Гриша, разве я похож на такого дурака? Вы учёный, я вам полностью верю.

— Я бродяга, глоб-троттер, немножко авантюрист, говорят, что и учёный, но я но я не жулик.

- Знаю.
- А вы-то кто, Чернобыл?
- Я всего-навсего изобретатель.
- И что же вы изобрели?
- Ну... если можно так назвать... машинно-лингвистическую машину времени.
- Та-а-ак! — пропел Чехардин и вынул трубку изо рта. — Послушайте, Серёжа, а вы часом не мистификатор?
- Нет, я этого не люблю, — мягко ответил Чернобыл. — Меня увлекла трудная проблема, и я изобрел способ.
- Какая же это проблема, если не военная тайна?
- Ничего тайного. Линейное письмо А.
- Диск из Фестоса?
- Ну, разумеется, и он тоже. Собственно, вокруг него всё вращается.
- А что вы изобрели, как это понять: «машина времени»?
- Танцы угасали сами собой, люди придвигали стулья, стекались к дивану; паузу заполнил щелчок — выключили магнитофон. Стенные часы Леруа, которые Чехардин называл «бабушкиным наследством», пробили одиннадцать.
- Язык является живой реальностью только в реальной среде, так? — задумчиво спросил Чернобыл.
- Отлично для начала, а главное — свежо, — сказал Стремоухов, главный остряк компании, но на него так шикнули, что он прикусил язык.
- Знаем мы среду, создавшую Фестский диск? — спросил Чернобыл, улыбаясь в лицо Стремоухову так иронично, что того невольно бросило в жар.
- Пытаемся узнать! — прогудел Яков Петрович, единственный археолог в компании. — И кое-чего достигли!
- Черепашьи темпы. Обломки. Неточность их хроносортировки, — голос Чернобыла внезапно стал металлическим. — А главное, нет системы. Умеем рассматривать длинные линии традиций, экстраполируем, реставрируем, самовольно рассуждаем о ранней культуре по остаткам поздней — против вектора времени. А нам нужен срез одного момента — того самого. Надо их увидеть.
- Кого их? — спросил Чехардин.
- Тех, смугленьких. Носителей среднеминойской культуры.
- Что-то в вашем тоне звучит так, словно вы их видели, — осторожно, уже без претензии на остроумие, сказал Стремоухов.
- А что? — пробормотал Сергей Чернобыл. — Может, и видел.
- Заметил иронические переглядывания и добавил, чуть покраснев:
- В известном смысле.
- То есть? — грубо спросил Чехардин.
- На экране.

— Что-что? Кино? Актёры?

— Ну, какие актёры? Знаете, что такое «портрет-робот» в милиции? Так вот, его главный принцип построения — это исключение непохожего. Строится объективно схожий с оригиналом портрет. Конечно, схематичный. . . Ну, это самая неинтересная сторона. Важнее принцип корреляции: принцип восстановления целого по известным частям. Кроме того, важно не промахнуться в определении культурной доминанты. Строим синхронию, срез ствола. Ясно, что она пронизана прожилками из прошлого; сейчас для минойской цивилизации это прошлое довольно ясно — Ближний Восток и Африка. Это, конечно, учитывается, но это не противоречит системе, а входит в неё. Описываем всю культуру как целое, всю среду языка.

Чернобыл внезапно замолчал. Никто не шевелился. Тишина стояла такая, что стало слышно, как во дворе, семью этажами ниже, две девчонки <...>ются шутками с двумя ребятами и договариваются созвониться завтра.

Чехардин нетерпеливо дрыгнул затёкшей ногой:

— Ну, хорошо! Реальность! Что это прибавляет к корпусу текста? Ведь ни на шаг не продвигает нас к языку и к линейному А!

— А вот дальше начинается самое страшное, — вполголоса ответил Чернобыл. Вы слышали, что в последние годы на Крите были найдены хорошие захоронения?

— Да, и редкостная сохранность. . . — подтвердил Яков Петрович. — Мне удалось выбить командировку, я их видел.

— Я тоже, — шепнул Чернобыл.

— Ну и что же? Восстановительные портреты по черепам?

— Это даже не обязательно; это для историков. «Как выглядел отец Александра Македонского». . . Ну, кривой, ну, порубанный: знали ведь и раньше.

— А что же для вас «обязательно»?

— Тонкая анатомия органов речи.

— Да вы что же, в рот им залезали, что ли? — вскричал Чехардин.

— А хоть бы так? — со странной интонацией ответил Чернобыл.

— Зачем?

— Вы опять не поверите. . . Фонетика языка влияет на эту тонкую анатомию.

— Есть закономерности, подсчёты, таблицы?

— Есть, — ответил Чернобыл.

Все зашумели. Но тут Чехардин встал с дивана, и этого хватило, чтобы утихомирить компанию. Он, конечно, не тыкал пальцем в собеседника, он навёл на Чернобыла свою трубку вместо пальца:

— Допустим. Я согласен. Вы знаете их одежду, обычаи, основные мифы, способ производства, архитектурные приёмы, наконец, фонетику языка. Что же дальше? Что из этого следует? Это ни на шаг не продвигает нас к расширению собственно лексического фонда!

Бред какой-то! Игрушки! Несерьёзно! Чем это поможет прочтению, ну хотя бы того же фестского диска?

Чернобыл втянул голову в плечи и, глядя в пол, пробормотал:

— Уже.

— Что уже?

— Уже прочёл.

— Кто прочёл? Что прочёл?

— Я прочёл его.

Компания ахнула. Чернобыл встал. Он казался расстроенным, но не очень. Видно было, что разговор тяготил его.

— Кто завтра свободен? Я покажу вам это, — угрюмо сказал он.

II

Но показать было не так-то просто. На другой день Чехардин узнал, что Сергей Иванович Чернобыл работает с самой умной машиной Союза и что время на ней жестко расписано, причём обстоятельства сложились так, что из-за разнообразия решаемых ею задач она находится на территории организации со строгим пропускным режимом. Добывание пропусков заняло два дня; за это время Чехардин, любопытство которого было раздражено до крайности, наводил справки о своём новом знакомце.

Оказалось, лингвисты его мало знают, но на улице Воровского, в знаменитом особняке, перед которым стоит статуя Горького, Чернобыла считали своим человеком. Старый синолог с орлиным носом, белой, как снег, бородкой и чёрным, живыми глазами сказал Чехардину:

— Серёжа — это видный культуролог: на сегодняшний день лучший знаток минойских культов. Он исследовал минойские истоки религии Диониса и при этом использовал такие дерзкие методы, что половина слушателей считала его шарлатаном, а половина предлагала дать сразу докторскую степень.

— А что дали в итоге? — спросил Чехардин.

— Разумеется, среднее арифметическое: кандидата наук. Но учёные-то знают, что и Михаил Михайлович Бахтин умер кандидатом. Академия никогда не одобряла дерзости.

— А Дионис-то разве не был фракийцем?

— Ну, что вы, Гриша, у вас ещё школьные представления. Культ Диониса зародился на Крите; мифология критского быка и есть прадионисийство № 1; династия считалась происходящей от быка. Даже в греческих гимнах Дионис ещё назывался «прекрасным быком».

— Ну, будто всё начиналось с Крита.

— Всё не всё, а очень многое. И знаете, работы Чернобыла отозвались в новейшей синологии. Так что Серёжа — это человек.

<План продолжения>

<приписка сбоку:> Прежде фонетики он установил их язык жестов!

Немое кино типа мультипликации, создаваемое компьютером. Лучше всего обрисованы черты лица, рты (виден язык), мышцы щёк, движения гортани. Четыре глухонемых эксперта с блокнотами «читают по губам» и записывают. Потом второй прогон — медленнее. Эксперты проверяют записи, делают поправки (на экране пели).

Ситуация объясняет смысл слов. Так строится словарь.

— Кто такой Чернобыль? — спросил Чехардин утром у босса.

— Лучший знаток минойских культов.

Другие отвечают:

— Учитель компьютеров. Технарь до мозга костей.

Или:

— Основал новую линию в компаративной лингвистике.

Или:

— Культуролог, но, кажется, шарлатан.

Потом «сеанс».

III раздел. Концовка.

Чехардин в депрессии. Ненависть к Чернобылю. К тому же узнаёт, что Морозова выходит замуж за Чернобыля.

Метод Чернобыля отменяет интуицию! Он несёт смерть гипотезам! — Разгромная статья Чехардина в журнале.

У Чернобыля отнимают лабораторию. Чехардин сообщает ему, что Люся была его любовницей (анонимка!). В ответ Чернобыль публикует расшифровку диска и принимается за кохау ронго-ронго.

